

Александр Федотов

МИТЬКА НА СЕВЕРЕ

Сборник рассказов

Александр Федотов

Митька на севере (сборник)

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4912641
Федотов А. Макароны по-флотски: СПб; 2012
ISBN 978-0-9858121-1-9

Аннотация

«...Время как будто замедлило своё течение. Всё дальнейшее происходило, как в замедленном кино. С громким хлопком сработал стартовый заряд. Ракету с шумом выплюнуло из трубы по направлению к горящей бочке. «Щелк» – раскрылись рули и стабилизаторы. С шипением включился маршевый двигатель и ракета, оставляя за собой белый хвост дыма и вращаясь, как юла вокруг своей оси, устремилась к цели. Тулеев и Демьян, как замороженные, раскрыв рты, следили за полётом умной ракеты, за которой, как за кометой, тянулся белый дымный хвост. Вдруг ракета резко отклонилась влево. У Тулеева по спине пошел холодный озноб. Там, слева, на фоне голубого неба виднелась раскаленная железная труба кочегарки. В полярную зиму кочегарка здесь, в военной части, единственный источник тепла, а значит и жизни. Без тепла в Заполярье – смерть. Белый след ракеты медленно чертил траекторию к трубе кочегарки...»

Содержание

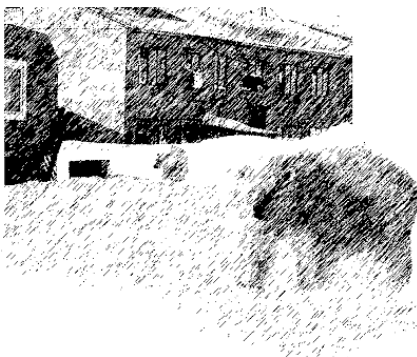
Харасавэй	4
Кочегарка	15
Вариант	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Александр Федотов

Митька на севере

Харасавэй

По команде «отбой» наступает тёмное время суток.
(Правда)

Видавший виды вертолёт МИ-8 летел из Воркуты в Харасавэй – маленький посёлок газовщиков и нефтяников, затерянный на полуострове Ямал, на берегу холодного Карского моря. Это север Западной Сибири. Край света. Дальше только Новая Земля и Северный Ледовитый океан. Мерно грохотали лопасти вертушки. В её недрах, забитых под за-

вязку попутным грузом, расположилось на мешках с мукой три пассажира. Два солдата-новобранца Митяй с Генкой и сопровождавший их прапорщик.

Митяй, широкоплечий, светловолосый парень, призывавшийся из Ленинграда, сидел, закутавшись поплотней в шинель, и, припав носом к заиндевелому иллюминатору, смотрел вниз. Кокарда его серой солдатской ушанки мерно цокала по стеклу в такт вибрации двигателя. За стеклом проплывала вечная мерзлота, бесконечная пустынная и бескрайняя заснеженная тундра. Лишь изредка чернели внизу пятнышки нефтехранилищ и полузаброшенных поселков. Рядом с Митяем, тоже не отрываясь от иллюминатора, сидел его друг Генка, коренастый весельчак, катала из Брянска. Они встретились и подружились два месяца назад в учебке, в Воркуте. Время пролетело незаметно, и теперь начальник продовольственного склада прапорщик, молдаванин Рычану, вёз их в часть, к месту их дальнейшей службы...

Вертушка зависла в воздухе и медленно начала снижение. Прапорщик равнодушно лузгал семечки, сплёвывая шелуху в кулак. Митяй с Генкой, припав к иллюминаторам, изо всех сил старались разглядеть то, что ожидало их в этой заполярной глуши. За бортом светило яркое солнце. Посреди белой пустыни чернели разбросанные по побережью вагончики буровиков и низенькие серые здания посёлка. А чуть дальше, на берегу, виднелись гористые ледяные торосы и вмерзшие в лед разномастные суденышки.

Короткий толчок известил о том, что колёса вертушки коснулись посадочной площадки. Гул мотора стал потихоньку стихать. Выйдя из вертушки, ребята огляделись. Неровно расчищенная посадочная площадка окружена полутораметровыми снежными насыпями. Из углового сугроба торчит стойка с рваным полосатым ветровым носком. С одной стороны виднелись здания поселка и светились тоненькие газовые факелы, с других сторон – одна бесконечная белая пустыня и огромное синее небо.

– Прибыли! – сказал прапорщик. – За мной и не отставать!

Когда до поселка оставалось полторы сотни шагов, Генка вдруг вцепился Митяю в руку:

– Глянь!

Впереди, недалеко от занесенного по самую крышу строительного вагончика, косясь в их сторону, дорогу переходил белый медведь.

– Ну, чего стоим, – ухмыльнулся Рычану, – мишку не видели? Привыкайте.

Рычану закурил сигарету:

– Они сгущенку дюже любят, бывает, придёт к нам в часть, на задние лапы встанет и ревёт – выпрашивает... Кинешь ему банку, он хлоп лапой, банка всмятку, а он и давай вылизывать...

– Соображает! Силища-то какая!

– А як же.

Подождав, пока мишка пройдет, ребята двинулись даль-

ше. Прапорщик сделал несколько затяжек и указательным пальцем отщелкнул окурок в сугроб:

– Довожу до сведения: Харасавэй, в переводе с ненецкого, означает «извилистая река». Она под нами. Сейчас, конечно, промерзла до дна...

– А до части далеко?

– Полчаса на гэтэтэшке ... по тундре.

– На чем?

– На гэтэтэшке... гэ-тэ-тэ ... гусеничный транспортер-тягач, гэтэтэшке короче. Кроме неё никакой другой автотранспорт туда не доберётся. Можно, конечно, как ненцы на оленях, но не солидно...

По дороге в часть Митяй пригрелся в утепленной гэтэтэшке и, закрыв глаза, облокотился на вибрирующую стенку. Ему вспоминалась учебка, монотонный ручеёк морзянки, льющийся из наушников, и... гаревое поле. Их учили на слух принимать и передавать азбуку Морзе. Если во время занятий кто-то из духов засыпал под этот убаюкивающий ручеёк, то деды выгоняли всех на гаревое поле и гоняли кругами, лупя того, кто отставал, ремнями по заднице или куда попадут. Так могло продолжаться полчаса, час, пока... деды не устанут...

Шум двигателя тягача стих.

– Ну, салаги, приехали. Вылезай, давай, – прапорщик хлопнул Митяя рукой по спине и добродушно добавил. – Вешайтесь!

Расчищенный в глубоком снегу проход вел вглубь территории части. Снежные отвалы, образующие стены узкого прохода, возвышались почти на двухметровую высоту. Друзья двигались по снежному лабиринту вслед за прапорщиком. Иногда из траншеи можно было различить редкие полузасыпанные снегом одноэтажные строения и торчащие из-под снега ржавые печные трубы. Вдалеке медленно вращались заиндевевшие здоровенные радары.

– Вот это и есть наша радиолокационная часть, – улыбнулся прапорщик, – по штату 150 человек, по факту 65. С этой точки наша Родина следит за происками всего мирового империализма...

Дверь ближайшего домика отворилась, и на пороге показался помятый заспанный чурбан в солдатской шапке-ушанке, лихо заломленной на самый затылок.

Митяй отметил, что дверь открывалась вовнутрь. Он слышал, что здесь, на Крайнем севере, все двери так открывались, чтобы можно было выбраться, если снаружи завалит снегом.

– Ду-ухи привезла! – вдруг хрипло восторженно заорал чурбан, приоткрыв толчком ноги дверь казармы.

Снег вокруг как будто зашевелился. Из разных дверей и нор, как по команде, из-под снега на свет стали вылезать фигуры в грязном отрепье, тулупах и облезлых ушанках. Это были чурки. Они, как зомби, выходили на свет. Митяй с Генкой переглянулись – картина нереальная! Апокалипсис!

– Писец. Приехали, – шепнул Митяй Генке.

– И откуда их столько?! Север всё же...

– Ну, принимай пополнение! – с плохо скрываемым злорадством обратился прапорщик к существам в тулупах.

Чурки радостно загудели:

– Эй, зелёний салаги!

– Вэшайте!

– Сюда давай их, да!

– Они уже год без молодого пополнения. Все черпаки ещё «застегнутыми» ходят. Вот и истосковались, бродяги, – пояснил прапорщик.

В армии своя иерархия. До присяги ты – запах, от присяги до полгода – дух, от полгода до года – слон или Солдат Любящий Офигенные Нагрузки, от года до полутора – черпак. От полутора – дед, после приказа ты – дембель. Возведение в черпаки – переломный момент в службе. Черпакам уже можно почти всё: расстегивать воротничок, ослаблять ремень, гнуть бляху, растить усы и, главное, гонять духов... Но есть два «но». Чтобы всё это осуществилось, должны были выполняться два условия: первое – нужно молодое пополнение, чтобы переложить на них грязную работу и второе – деды должны были черпака «расстегнуть». И не все черпаки удостоивались такой чести. Во время церемонии «расстегивания» деды пробивали черпаку по заднице одиннадцать ударов солдатским ремнем и двенадцатый удар – бляхой – «Черпаческая печать». По удару за каждый месяц службы. Затем

деды собственноручно ослабляли на новом черпаке ремень и надрывали у него воротничок. Теперь черпак считался «растегнутым» и переходил в разряд неприкасаемых. Деда уже не могли его строить. Каждый из черпаков ждал свою «черпаческую печать» на собственную задницу, как манны небесной.

А здесь, в этой забытой людьми и Богом части, целый год молодого пополнения не было! Все черпаки застегнутые. Как же здесь истосковались по свежему мясу!

– Попали, короче... – сглотнул слюну Генка.

– Давай вместе держаться, – предложил Митяй.

– Само собой, зёма. Иначе не выжить, похоже...

В казарме среди ночи Митяй проснулся от тычка.

– Дух, вставай, да, дэдушки завут, – «застегнутый» черпак – узбек тыкал его кулаком в бок.

Митяй сел на скрипучей пружинной кровати, протирая глаза и попутно соображая, как быть и что делать. Два ряда вдвоенных коек тянулись по обеим сторонам тёмной холодной казармы. Штук шесть кроватей пустовали, на остальных виднелись закутанные в шинели силуэты спящих тел. За окном выла снежная выюга. Ледяная крошка била по заиндевевшему стеклу.

– Эй, ты дух, вставай, плят, – узбек трепал за плечо спящего на соседней койке Генку.

Чтоб не замерзнуть, Митяй с Генкой спали не раздеваясь. Так что одеваться не пришлось.

– Пашли, завут, – поторопил узбек и направился в сторону курилки.

Генка взглянул на Митяя и шепнул:

– Если что, выбери одного и меси. Теперь терять всё равно нечего...

Митяй молча кивнул. Здесь, на краю света, кроме жизни и здоровья терять было, действительно, нечего. Он отчетливо слышал, как удары сердца гулко отдаются в его голове. Ступая медленно плечом к плечу, они пошли вслед за узбеком. Из полутемной курилки доносилась приглушенная нерусская речь. Митяй с Генкой переступили порог курилки. В висках стучало. Ощущение было такое, как в детстве, когдаходишь в тёмную незнакомую комнату. Или как, наверное, бывает у осужденного, когда он ступает на первую ступеньку эшафота. Черпак-узбек услужливо прикрыл дверь и, отойдя в сторону, поспешно растворился в темноте.

Ребята боковым зрением почувствовали, как со всех сторон их обступают мрачные, смердящие потом темные фигуры.

– Оборзел духи! Праписать нада, – выступил из полумрака узбек, с испорченным оспой лицом.

«Спина к спине!» – услышал Генка шепот Митяя и в следующий момент получил сильнейший удар кулаком в губы. Солоноватый привкус крови во рту вывел Генку из состояния оцепенения. Его рука сработала, как разжавшаяся пружина, и ответный боковой удар в челюсть впечатал рябого

чурку затылком в стену. Генка почувствовал за своей спиной крепкую спину товарища и увидел, как кулак Митяя смачно приплюснул мясистый нос второго наседавшего чурбана. Кровь из расплющенного носа брызнула в стороны. ... А от бокового удара в челюсть у самого Генки потемнело в глазах, он с разворота отмахнулся...

Наутро командир части обошел неровный строй разномастных бойцов. Двое славян-новобранцев и шестеро азиатов отсвечивали заплывшими кровоподтеками, разбитыми губами и носами. У рябого чурбана всё лицо было как одна большая спелая слива. Другой, с распухшим мясистым носом, стоял, неуклюже поддерживая сломанную руку.

– Н-да, – протянул, прохаживаясь вдоль недлинной шеренги, командир. – Я так понимаю: все шли строем и с лестницы упали...

Бойцы молча переминались с ноги на ногу. Митяй почувствовал тычок кулаком в спину.

– Сегодня, после отбой вешайся, дух! – Небритый чурбан, стоявший позади, выдохнул ему в ухо сладковатый запах застоялых помоев.

Так прошла первая ночь, им с Генкой оставалось продержаться ещё пятьсот сорок девять.

* * *

Духовской год тянулся, как одна мрачная полярная ночь.

Приходилось проходить много подобных экзекуций, отбиваться, шуршать приборки. Бывало всякое, но ни Митяй, ни Генка ни перед кем не унижались, а, когда надо, за себя стояли так, что многим чурбанам надолго запомнилось. За что одногодки их уважали, а деды старались без необходимости не связываться.

Весной 1991 года, через год службы, черпаков Митяя и Генку первых из их призыва «расстегнули». После «расстегивания» Митяй на полусогнутых доплелся до своей койки и упал лицом в подушку. Ныли отбитые ремнём ляжки и ягодцы. Только одна мысль билась в его мозгу: «Кончилось!!!»

В казарму, пинком открыв дверь, вошел дед, узбек Уваров. Тот самый бывший застегнутый черпак, который будил их с Генкой в первую ночь для экзекуции в курилке. Увидев Митяя лежащего в дневное время на койке, у Уварова на лбу аж выступила испарина:

– Не поняль?! Ты, череп, что ли обарзель! – дед с силой пнул ногой кровать, на которой раскинулся Митяй.

Митяй, даже не повернув головы, тихо проговорил: «Пошел на х... чурбан!»

– Чё?! – оторопел Уваров.

– Пошёл на х..!! – рявкнул Митяй, резко привстав на койке.

Уваров отшатнулся. Тут только он заметил на Митяе разорванный в мясо ворот гимнастерки. Не сказав больше ни слова, он попятился и тихо прикрыл за собой дверь.

А Митяй откинулся на подушку. Он лежал на спине, широко раскинув руки, смотрел на облезлый казарменный потолок и широко улыбался. Полярная ночь для него кончилась.

Кочегарка

Хорошо – когда на тебя «ставят». Плохо – когда на тебя кладут...

(Фольклор)

Коренной сибиряк прапорщик Тулеев, взвалил на плечо зелёную трубу переносного ЗРК – зенитно-ракетного комплекса Стрела-2:

– Пошли, развеемся! – крикнул он своему корешу, молдаванину прапорщику Демьяну, водителю местной гэтэтэшки.

Демьян, не заставил себя долго упрашивать:

– Пойдём!

Вдвоем они направились к груде ржавых бочек с солярой, деловито именуемой в части складом ГСМ – горюче-смазочных материалов. Этих бочек здесь, в расположении воинской части, было огромное множество. Они ржавели и текли, обильно пропитывая тундру, благо слова «эколо-

гия» не было в военном лексиконе. Летом, когда снег сходил, тундра хлопала под ногами соляркой так, что казалось – брось спичку и вся земля вокруг заполыхает.

Солярка в тундре незаменимая вещь, как водка в деревне. Это тебе и топливо для тягачей и котла кочегарки, и универсальное средство обмена. Офицеры меняли у местных ненцев бочки с соляркой на шкуры песцов и белых медведей.

Однажды каптер, прапорщик Гонгадзе, взял АКМ (автомат Калашникова модернизированный) и ушел в тундру охотиться на оленей. Ему повезло: ненец как раз гнал стадо. Ну, каптер автоматной очередью от бедра пару штук и завалил. Ненец, на оленьей упряжке, приехал скандалить на КПП (контрольно-пропускной пункт). Вот тут солярка и пригодилась. Аборигену пару бочек (по штуке за каждого оленя) на сани погрузили – тот довольный и уехал.

Тулеев с Демьяном выбрали одну бочку и, откатив подальше, установили её в тундре метрах в двухстах от закопченного здания кочегарки.

– Вот тебе, вот тебе, милая... – приговаривал Демьян, размашисто дырявя штык-ножом от «Калаша» бочку с соляркой.

При каждом ударе нож наполовину вонзался в ржавое железо. Солярка, хлопая, как кровь из раны свиньи при забое, полилась на снег. Отойдя на несколько шагов от истекающей соляркой бочки, Демьян поджёг комок смятой бумаги и бросил его в солярную лужу. Бочка вспыхнула и закоптила чер-

НЫМ ДЫМОМ.

Тулеев и Демьян некоторое время любовались огромным факелом, а потом отошли от него ещё метров на триста.

– Красиво горит! – сказал Демьян.

– Эх, люблю я это дело, – улыбаясь, сказал довольный сибиряк. Он поднял с земли трубу ЗРК и деловито установил её на плече.

– Хитрая штукенция! – оценил ЗРК Демьян. Он знал, что ракета «Стрелы-2» была оснащена тепловой головкой самонаведения. Ракета сама находила интенсивный источник тепла и шла на него. Это было оружие возмездия. Обычно такие ракеты запускались вслед самолету или вертолету. Они шли на тепло выхлопных газов двигателя. Демьян покачал головой, представляя, что сейчас будет с этой бочкой.

Тулеев прищурил глаз. Планка прицела совместилась с пылающей бочкой.

– Ну, как сказал Гагарин, поехали! – и прапорщик Тулеев плавно нажал на пуск.

Время как будто замедлило своё течение. Всё дальнейшее происходило, как в замедленном кино. С громким хлопком сработал стартовый заряд. Ракету с шумом выплонуло из трубы по направлению к горящей бочке. «Щелк» – раскрылись рули и стабилизаторы. С шипением включился маршевый двигатель и ракета, оставляя за собой белый хвост дыма и вращаясь, как юла вокруг своей оси, устремилась к цели. Тулеев и Демьян, как замороженные, раскрыв рты, следи-

ли за полётом умной ракеты, за которой, как за кометой, тянулся белый дымный хвост. Вдруг ракета резко отклонилась влево. У Тулеева по спине пошел холодный озноб. Там, слева, на фоне голубого неба виднелась раскаленная железная труба кочегарки. В полярную зиму кочегарка здесь, в военной части, единственный источник тепла, а значит и жизни. Без тепла в Заполярье – смерть. Белый след ракеты медленно чертил траекторию к трубе кочегарки.

– Ё-ё-ё-ё! – вжимая голову в плечи, выдохнул Тулеев.

Но ракета вдруг передумала и, видимо переключившись на более мощный источник тепла, резко отклонилась назад, вправо, и с грохотом врезалась в полыхающую бочку.

Тулеев обессилено снял с плеча трубу ЗРК. – Пора мне на гражданку, – тихо пробормотал он, вытирая со лба холодный пот.

– Котёл! Котёл взорвался!!! – раздался вдруг дикий перепуганный вопль.

Какой-то солдат выбежал из кочегарки и, с криком бросился бегом к казарме.

– Ты чего-нибудь понимаешь? – спросил ошарашенный Тулеев товарища.

– Пацан от взрыва, похоже, в штаны наложил...

Они взглянули на кочегарку и тут обоим стало не хорошо. Труба кочегарки больше не дымила.

– Демьян ракетой кочегарку подорвал! – кричал кто-то, выбегая из казармы.

Человек десять солдат и офицеров уже бежало от казармы в сторону кочегарки.

– Теперь докажи, что ты не верблюд, – пробормотал побледневший молдаванин.

Тень толпы неминуемо надвигалась Тулеев сглотнул слюну и отшвырнул в снег от греха подальше трубу проклятого ЗРК. Разорванная в клочья бочка из-под солярки продолжала предательски гореть и чадить ярким оранжевым пятном, выделяясь на фоне закопченного, чёрного снега и бескрайнего чистого синего неба.

Мордобой был неотвратим. Спасло чудо. Ну и внушительная ширина плеч Тулеева дала несколько спасительных мгновений. Демьян успел-таки вставить пару слов. С оскорблениями и взаимными упреками, но всё же как-то разобрались. Оказалось, что кочегар, зачуханный грязный хохол по фамилии Малоиван, напился браги, заснул и прозевал давление в котле. Взрыв ракеты разбудил его, но было уже поздно...

Взрыв котла оставил воинскую часть без единственного источника тепла в самый разгар полярной зимы. Запчасти задерживали. Вспомогательного котла хватало только на прогон воды, чтобы не замерзла в трубах и не разорвала бы их к чертовой бабушке. Начались суровые будни.

Температура воздуха в казарме колебалась от четырёх до семи градусов по Цельсию. По ночам одеяло примерзало к заиндеветшей стене. Спать в казарме ложились теперь, на-

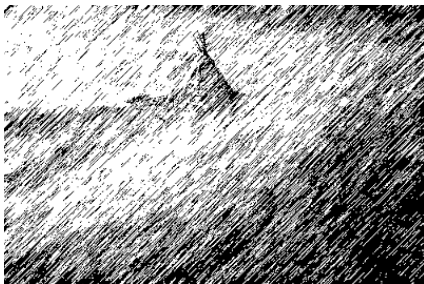
дев тулупы поверх ватников и завязав ушанки. Дневальный укрывал каждого одеялом, а сверху, поперёк клал ещё два матраса. Встать с кровати теперь без помощи дневального по казарме было уже невозможно.

– Дневальный! – то и дело раздавались среди ночи крики в казарме. Кому-то, по-видимому, захотелось в туалет или покурить. Дневальный спешил на помощь откидывать матрасы.

Запчасти для котла подвезли только через три месяца. Три месяца часть жила на грани вымерзания. Без бани, без душа, без горячей воды, без элементарной возможности согреться, снять шинель и расслабиться в маломальском тепле. За это время фамилия «Малоиван» в части стала словом нарицательным. Когда подали, наконец, долгожданное тепло, был всеобщий праздник. С тех пор в части говорили: «Есть три вещи, ценность которых по-настоящему осознаешь, только когда их потеряешь, – молодость, здоровье и тепло».

Вариант

*Дул такой сильный ветер, что сигареты
выворачивало вместе с зубами...
(Северный фольклор)*

Митяй стоял на вахте, радистом на КП (контрольном пункте). Одев наушники, он привычно принимал координаты воздушных целей и отбивал ключом знаки морзянки, передавая данные в полк, в Воркуту. Шла последняя зима его армейской службы. За окном заунывно выла снежная пурга. Красный столбик уличного термометра замёрз на отметке минус тридцать по Цельсию... Митяй взглянул на часы: приближалось два часа ночи – время развода.

Наконец дверь на КП отворилась. Впуская порыв холодного снежного вихря, в помещение ввалились залепленные снегом двенадцать заиндедевевших солдат во главе с разводящим вахты лейтенантом Гонгадзе.

– Ну, блин, там жопа! – выдохнул Гонгадзе, с трудом разлепляя глаза от налипшего снега – «Вариант»!

Отслужив полтора года на севере, Митяй отлично знал, что такое снежная буря, именуемая здесь «Вариант». Точнее, чем описал её лейтенант Гонгадзе, цензурно выразить было невозможно. Когда бушует «Вариант», становится по-настоящему страшно. Северная природа как бы указывала человеку на его место, ясно говоря, кто здесь хозяин. Завывающая снежная буря демонстрировала всю неукротимую мощь стихии, сбивая с ног и сводя видимость до нуля. Два солдата могли стоять рядом, на расстоянии вытянутой руки, и не видеть, и не слышать друг друга. Полностью теряется ориентация в пространстве. А заблудиться во время «Варианта» равносильно смертному приговору. Деда рассказывали, как два года назад, один дух так ночью во время «Варианта» заблудился... Его нашли под утро, сжавшегося в комок, обхватившего руками колени. Он замерз, не дойдя двух шагов до двери в казарму...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.